

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

656^{-е} ЗАСЕДАНИЕ
22 ЯНВАРЯ 1954 ГОДА

ДЕВЯТЫЙ
ГОД

НЬЮ-ИОРК

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предварительная повестка дня (S/Agenda 656)	1
Утверждение повестки дня	1
Палестинский вопрос: Протест Сирии против производства Израилем работ в демилитаризованной зоне на западном берегу реки Иордана (S/3108/-Rev.1, S/3122, S/3151/Rev.2, S/3152, S/3166) (продолжение).	1

Все документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в квартальных дополнениях к *Официальным отчетам*.

Все документы Организации Объединенных Наций обозначаются условными знаками, состоящими из заглавных букв и цифр. Когда такой условный знак встречается в тексте, он означает ссылку на один из документов Организации Объединенных Наций.

ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница 22 января 1954 г. 15 ч.,

Нью-Йорк

Председатель: Г-н Шарль МАЛИК (Ливан)

Присутствуют представители следующих стран: Бразилии, Дании, Китая, Колумбии, Ливана, Новой Зеландии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Турции, Франции.

Предварительная повестка дня (S/Agenda 656)

1. Утверждение повестки дня.

2. Палестинский вопрос:

Протест Сирии против производства Израилем работ в демилитаризованной зоне на западном берегу реки Иордана.

Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

Палестинский вопрос

Протест Сирии против производства Израилем работ в демилитаризованной зоне на западном берегу реки Иордана (S/3108/Rev.1, S/3122, S/3151/Rev.2, S/3152, S/3166) (продолжение)

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Перед Советом — три проекта резолюции [S/3151/Rev.2, S/3152 и S/3166], внесенные членами Совета в связи с настоящим вопросом.

2. Я хочу снова применить правило 20 наших временных правил процедуры и просить представителя Новой Зеландии заменить меня на председательском месте, а я займу его место как члена Совета на время обсуждения настоящего вопроса. Согласно правилу 20, если председательствующий считает, что ему не следует выполнять функции Председателя Совета, он сообщает об этом Совету, что я и делаю в настоящее время.

Г-н Муиро (Новая Зеландия) занимает место Председателя.

По приглашению исполняющего обязанности Председателя представитель Израиля г-н Эбан и представитель Сирии г-н Зеинэддин занимают места за столом Совета Безопасности.

3. Исполняющий обязанности ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (*говорит по-английски*): Продолжим общие прения. Как вы помните, последним в общих прениях выступал представитель Бразилии. Желает ли кто-либо из других членов Совета принять участие в общих прениях?

4. Ввиду того, что никто из других членов Совета не желает принять участия в общих прениях, я, как

представитель Новой Зеландии, хочу сказать несколько слов по обсуждаемому вопросу.

5. Я выступаю на позднем этапе этих прений. На предыдущих заседаниях доводы обеих сторон (политические, юридические, военные и экономические) были исчерпывающим образом изложены и были рассмотрены. Не подумайте, что это — критика, если я укажу, что данный вопрос обсуждается в Совете теперь уже три месяца. Этот вопрос относится к миру в определенном районе и требует продуманного решения, которое было бы основано на всех относящихся к делу фактах. Но я уверен, что мои коллеги не подумают, что мое правительство недостаточно заинтересовано и обеспокоено, если я ограничусь изложением только тех основных соображений, которые определяют мое голосование.

6. Каковы важнейшие обстоятельства рассматриваемого Советом дела? В сентябре прошлого года Израильская компания водоустройства приступила к работам по сооружению канала в демилитаризованной зоне и производила эти работы в течение некоторого времени без ведома генерала Беннике. Когда он узнал об этих работах и потребовал, чтобы они были приостановлены, это требование выполнено не было (по крайней мере до передачи данного вопроса Сирией в Совет Безопасности). В этом, разумеется, и заключается причина, по которой данный вопрос находится на рассмотрении Совета. Мы присоединяемся к тем другим членам Совета, которые в прошлом году высказали свое удовлетворение по поводу заявления Израиля, заверившего, что работы по сооружению канала будут приостановлены до рассмотрения вопроса Советом. Вместе с тем, было высказано мнение, что, даже с точки зрения собственных интересов Израиля, то обстоятельство, что работы не были приостановлены раньше, очень прискорбно, так как Совету пришлось заниматься не вопросом о допустимости этих работ, а вопросом о невыполнении требования председателя Смешанной комиссии по перемирию. После тщательного ознакомления с разъяснениями, которые были даны представителем Израиля, я должен согласиться с этим мнением. Утверждали также, что Совет вправе ожидать, что работа по выполнению данного проекта не возобновится без согласия генерала Беннике. С этим утверждением я также должен согласиться. Чрезвычайно важно, что-

бы в Палестине обе стороны подчинялись авторитету Организации Объединенных Наций. Моя делегация определенно считает, что каждый участник Соглашения о перемирии не только обязан выполнять решения председателя Смешанной комиссии по перемирию, но также будет поступать правильно, если будет ставить последнего в известность заранее, а не постфактум, о каждом важном мероприятии, которое он собирается осуществить в демилитаризованной зоне или распространить на эту зону. Совет Безопасности, в свою очередь, должен, когда необходимо, поддерживать решения начальника штаба, а в соответствующих случаях — также давать руководящие указания. Я одобряю и вполне поддерживаю те постановления проекта резолюции трех держав [S/3151/Rev.2], которыми подтверждается решение, принятое в прошлом году генералом Беннике, когда он потребовал прекращения работ и призывал стороны уважать его полномочия в будущем.

7. Хотя это — наша первая обязанность и, если разрешите мне говорить словами представителя Франции, обязанность совершенно очевидная, тем не менее утверждать, будто это — наша единственная обязанность, означало бы, я полагаю, давать слишком ограничительное толкование особым обязательствам Организации Объединенных Наций в отношении Палестины. Мы согласны с теми, кто считает, что в данном вопросе на этом останавливаться нельзя. Напомню, что спор, который является в настоящее время предметом нашего внимания, возник в связи с соглашениями, имеющими временный характер, — соглашениями, которые были заключены в расчете на то, что в недалеком будущем состоится окончательное решение. К сожалению, вследствие того обстоятельства, что такого решения не состоялось и что никакого прогресса в этом направлении незаметно, это временное соглашение приобретает постоянный характер, которого оно не должно было, по замыслу, иметь. Этот искусственный постоянный характер вызывает недоразумения, устранять которые должен начальник штаба при поддержке Совета Безопасности. Ему нет надобности и, по нашему мнению, не следует отрицать возможности изменений в демилитаризованной зоне. Разумеется, постановления Соглашения о перемирии¹ между Израилем и Сирией должны строго выполняться. Интересы обеих сторон и установленные права должны соблюдаться. Но с учетом этих соображений мероприятия по проведению таких улучшений, которые отвечают общему прогрессу в данном районе, должны скорее поощряться, чем не допускаться. Хотя мы и хотели бы, чтобы подобные проекты выполнялись на основе сотрудничества, мы не должны желать, чтобы выполнение их совершенно останавливалось, если одна сторона отказывается, по политическим соображениям, в своем согласии на то, чтобы что-либо вообще делалось в демилитаризованной зоне другой стороной. Поэтому, мне кажется, мы не можем усвоить себе точку зрения, будто любой проект улучшений, распространяющихся на демилитаризованную зону, может выполняться только по соглашению обеих сторон, как бы желательно такое соглашение ни было. Что важно, так это то, чтобы соблюдались права и интересы обеих сторон и не нарушалось Соглашение о перемирии. Если по этим вопросам возникают споры, то, по мнению моей делегации, разрешать их должен начальник штаба.

¹ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, четвертый год, Специальное дополнение № 2.

8. В данном случае — перед нами проект мероприятий, на экономическом значении которых последовательно настаивала делегация Израиля и экономическое значение которых едва ли можно оспаривать. Однако против этого проекта возражают по иным соображениям. Необходимо решить, отвечает ли этот проект Соглашению о перемирии и правам и интересам сторон.

9. Прежде чем решать этот принципиальный вопрос, необходимо рассмотреть целый ряд практических вопросов. Один из важных вопросов — вопрос о том, могут ли быть ограждены существующие права Сирии на воду реки Иордана, особенно — для целей орошения фермы Бутейга. В письме от 20 октября 1953 г. на имя министра иностранных дел Израиля [S/3122, приложение III] генерал Беннике высказал убеждение, что, «если не будут установлены определенные обязательства по гарантии существующих на воду прав», в результате выполнения данного проекта будет оставаться очень мало или совсем не оставаться воды в теперешнем русле реки во время сухого сезона. Однако в своей речи 30 октября [633-е заседание] представитель Израиля заявил, что он уполномочен сообщить о согласии своего правительства принять на себя соответствующие обязательства и изложить их в каком-либо официальном документе, на который могли бы, в случае необходимости, ссылаться заинтересованные стороны. Таким образом, хотя по мнению генерала Беннике здесь возможен конфликт с постановлениями Соглашения о перемирии, этот конфликт может быть устранен. Характер предлагаемых гарантий и порядок их применения следует, разумеется, тщательно изучить.

10. Если проект резолюции трех держав [S/3151/Rev.2] будет принят (а я глубоко убежден, что он будет принят), то генерал Беннике конечно изучит, в соответствии с пунктом 10 этой резолюции, не только ближайшие последствия сооружения канала, но и конечные результаты выполнения израильского плана использования отведенной воды. Результаты этого изучения и характер гарантий и охранительных мер, о которых состоит соглашение, будут, в свою очередь, надлежащими факторами при окончательном разрешении генералом Беннике другого поставленного им основного вопроса, а именно — трудного вопроса о том, изменит ли сооружение канала военную обстановку таким образом, что будут нарушены соответствующие постановления Соглашения о перемирии.

11. Для разрешения этих проблем необходимо, по нашему мнению, дальнейшее обследование на месте, при котором следует воспользоваться советами экспертов по специальным вопросам. Я полагаю, что в данный момент Совет не может принять никакого решения по существу этого вопроса. При таких обстоятельствах я разделяю мнение, что этот вопрос следует теперь вернуть на рассмотрение генералу Беннике, что его следует уполномочить принять меры, предлагаемые в пункте 8 проекта резолюции трех держав, и что его следует просить представить Совету доклад по истечении соответствующего времени. Если мы примем такие меры своевременно, то, мне кажется, будут некоторые основания надеяться, что может быть найдено такое решение, которое удовлетворит законные интересы как Израиля, так и Сирии.

12. Если сравнить несколько последовательных вариантов проекта резолюции трех держав, включая пересмотренный вариант, который рассматривается

теперь Советом, то будут очевидны те усилия, которые прилагались авторами этого проекта, чтобы примирить основные принципы, о которых я говорил, с различными мнениями, высказанными во время дебатов. Разумеется, ни одна из сторон не удовлетворена вполне пересмотренным проектом резолюции. Однако внесены существенные улучшения. По моему мнению теперешний текст в достаточной мере отвечает требованиям обстановки, и делегация Новой Зеландии поэтому поддерживает этот проект.

13. Должен, однако, подчеркнуть, что такая позиция основана на предположении, что данный проект резолюции будет в целом принят, и, повторяю, я искренно надеюсь, что он будет принят. Некоторые делегации возражали против отдельных пунктов и просили произвести голосование по пунктам. Тем не менее я надеюсь и ожидаю, что в целом этот проект резолюции будет принят. Если же один или несколько важных пунктов не получают необходимого большинства голосов, то, разумеется, создастся новая ситуация и делегации Новой Зеландии придется, может быть, пересмотреть свою позицию.

14. В качестве И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ должен напомнить членам Совета, что представитель Ливана просил снова предоставить ему слово и, как я понимаю, не для выступления в порядке общих прений, а по процедурному вопросу. Слово предоставляется, поэтому, представителю Ливана.

15. А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): К порядку ведения собрания, г-н Председатель: поскольку вы предполагаете дать слово представителю Ливана не в общей дискуссии, а я имею желание и намерение сделать несколько замечаний в связи с общей дискуссией, — в частности, в связи с выступлением представителя Новой Зеландии, — я прошу дать мне слово в общей дискуссии.

16. И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (*говорит по-английски*): Повидимому представитель Ливана желает высказаться по вопросу к порядку ведения заседания, поставленному представителем Советского Союза. Поэтому предоставляю слово представителю Ливана.

17. Г-н Шарль МАЛИК (Ливан) (*говорит по-английски*): Я с удовольствием уступлю место г-ну Вышинскому, если он хочет говорить раньше меня. Мое заявление к порядку ведения заседания заседания заключается, однако, в следующем: насколько мне известно, никто еще не вносил предложения о прекращении общих прений. Далее, и. о. Председателя только что выступал в порядке общих прений. Совершенно очевидно, что мы абсолютно вправе высказываться по поводу этого заявления, ибо он поставил очень важные вопросы существа. Я сам записал целый ряд обстоятельств, на которые хочу сослаться именно в опровержение некоторых из его собственных теорий. Поэтому я имел в виду высказаться по существу, а не по процедуре. Как я уже сказал, я нахожу, что выступление по существу вопросов вызывается именно тем, что сказал Совету и. о. Председателя от имени своего правительства.

18. Итак, поскольку я правильно понимаю положение процедурного вопроса, никакого предложения о прекращении общих прений не вносилось. Никто не заявлял, что следует прекратить общие прения или запись ораторов. Если даже и была высказана такая мысль, то, я полагаю, теперь положение до некоторой

степени изменилось. И. о. Председателя только что сделал очень важное заявление, в котором он поставил некоторые очень серьезные вопросы существа, и нам, по справедливости, должна быть дана возможность высказаться по всем этим вопросам.

19. И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (*говорит по-английски*): Ввиду того что и представитель Ливана, и представитель Советского Союза желают еще раз высказаться в порядке общих прений, я, разумеется, предоставляю им соответствующую возможность. Поскольку я знаком с процедурой Совета Безопасности, существует обычай, согласно которому Председатель или и. о. Председателя выступает во время прений последним, но это, как я понимаю, только обычай и, разумеется, если кто-либо из членов Совета желает высказаться по существу в ответ на то, что было сказано Председателем или и. о. Председателя, это — не только его привилегия, но и право. Представитель Советского Союза вероятно не будет возражать, если сначала я предоставлю слово представителю Ливана, а ему — потом. Если же на то согласны оба эти представителя, я предоставлю слово сначала представителю Советского Союза.

20. А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Во-первых, я должен заметить, что я исходил из того, что говорил не Председатель или временно заменяющий Председателя, а говорил представитель Новой Зеландии, как он сам сказал. Поэтому я никак не могу рассматривать его слово как последнее слово Председателя Совета Безопасности.

21. Во-вторых, я, конечно, охотно буду следовать тому порядку, который установлен Председателем, если прения будут носить опять-таки общий характер, и охотно подожду выступления г-на Малика, после чего я попрошу дать мне слово.

22. Г-н Шарль МАЛИК (Ливан) (*говорит по-английски*): Хочу поблагодарить и. о. Председателя за предоставление мне слова в порядке общих прений, а г-на Вышинского — за его согласие на то, чтобы я выступил первым, хотя, как я сказал, я с удовольствием уступил бы место ему. Однако, поскольку и. о. Председателя предоставил слово сначала мне, я буду продолжать.

23. Слушая представителя Новой Зеландии, я отметил несколько идей, которые, мне кажется, заслуживают внимания в данной стадии обсуждения некоторых из вопросов, которых коснулся и. о. Председателя.

24. Представитель Новой Зеландии говорил о временных постановлениях Соглашения о перемирии, которые, если они будут долго применяться, могут приобрести «постоянный характер, придавать который им никогда не имелось в виду». Разумеется, я цитирую его заявление приблизительно, но, мне кажется, сказанное им имело именно такой смысл. В связи с этим приходится вернуться к той идее, о которой так много постоянно говорят г-н Эбан и другие представители Израиля здесь в Совете и за его стенами, а именно идее о том, что пора Израилю покончить с тем положением, в котором он теперь находится, и найти какое-то более постоянное решение для разногласий между им самим и арабским миром, в центре которого он находится.

25. Это — очень интересная мысль. Это — безусловное правильное толкование текста Соглашения о пере-

мирии. В нем имеются соответствующие фразы. Но, при всем моем уважении к представителю Израиля, к вам как представителю Новой Зеландии, и другим лицам, которые снова и снова повторяют эту мысль, я бы сказал, что простое ее повторение, без изложения каких-либо конструктивных идей о том, каким образом может быть осуществлен переход от такого временного положения к более постоянному соглашению, не приведет к такому соглашению. Простая надежда на то, что каким-то чудом на смену определенного временного соглашения придет соглашение более постоянное, не вызовет необходимой перемены.

26. В течение нескольких последних месяцев я неоднократно указывал, каковы некоторые из тех условий, на которых арабские страны могут установить какой-то *modus vivendi* с Израилем. Я не слышал ни одного слова в ответ на какое-либо из внесенных мною предложений — ни от представителя Израиля, ни от вас, представитель Новой Зеландии, ни от какого другого представителя. Если вы или другие лица, представляющие здесь свои страны, думаете, что Израиль могут оставить в покое, закрепив за ним то, что он уже получил, без каких-либо условий и без серьезных с его стороны уступок тем странам, с которыми он желает заключить постоянное соглашение, то позвольте мне совершенно откровенно сказать, что все вы заблуждаетесь. Этого никогда не случится. Поэтому всем нам — израэли и арабам, не-израэли и не-арабам — следует продумать эти вопросы и не повторять больше формулу, к которой Израиль успел приучить уши и умы некоторых лиц и согласно которой мы должны теперь перейти от временного положения к постоянному соглашению, не внося, при этом, никаких действительно конструктивных предложений о том, как это сделать.

27. Второе замечание, которое я хочу сделать по поводу заявления представителя Новой Зеландии, также относится к утверждению, сделанному представителем Израиля и повторяемому другими представителями, будто никакое государство не вправе наложить вето ни на какой проект улучшений в данном районе. Вы, как представитель Новой Зеландии, заявили, что ни одна сторона не вправе останавливать выполнение такого проекта до дачи ею своего согласия на этот проект. Это и есть идея вето. Это означает, что Сирия не может препятствовать Израилю делать в демилитаризованной зоне то, что он желает делать. Но таким образом снова повторяется идея, которая была высказана Израилем без надлежащего учета всех обстоятельств. Если ни одно из этих государств не должно накладывать вето на осуществление проектов улучшений, запланированных другим государством, то, я полагаю (и это говорили в сущности все), так же верно, что ни одно из этих государств не вправе односторонне осуществлять в демилитаризованной зоне никаких изменений, которые нарушали бы относящиеся к этой демилитаризованной зоне международные договоры. Поэтому я считаю, что этому пугалу вето можно противопоставить слово «одностороннее». Если Сирия не имеет права вето, то Израиль по тем же причинам не имеет права предпринимать никаких односторонних действий в демилитаризованной зоне. Хорошо, если бы каждый отметил и запомнил эти два аспекта, а именно, что ни одно из этих государств не имеет права вето, при условии, что ни одно из этих государств не имеет права ни на какие односторонние действия, которые могут отразиться на статусе демилитаризованной зоны.

28. Третье замечание, которое я хочу сделать, относится к вашему заявлению от имени Новой Зеландии относительно ограждения прав и интересов обеих сторон. Мы заявили, что в этом в сущности — все дело. Я согласен. Но кто же будет определять права и интересы обеих сторон? Конечно, не третья сторона. Они сами могут сделать это. Сам Израиль должен определить свои права и интересы, и сама Сирия — свои. Пусть представители этих стран воспользуются уже существующим аппаратом, чтобы встретиться и выяснить, не могут ли они прийти к соглашению. Если они не смогут прийти к соглашению при посредничестве и с помощью начальника штаба, то разногласия, которые выяснятся в результате, может рассмотреть Совет Безопасности и сделать что-нибудь по этому поводу. Мое мнение таково, что на настоящем этапе развития обсуждаемой проблемы не следует и несправедливо предоставлять какой-либо третьей стороне, даже самому начальнику штаба, определять права и интересы обеих сторон. Он должен, используя существующий аппарат, попытаться свести их вместе и выяснить, что можно сделать, чтобы между ними состоялось соглашение.

29. В-четвертых, вы несколько раз сказали фразу, которую неоднократно повторяли представитель Израиля и другие ораторы, а именно — «можно ли оградить... существующие права Сирии». Далее, с надеждой и оптимизмом вы заявили, что, поскольку понимаете заявления представителя Израиля, вы не видите никаких причин, по которым существующие права Сирии не могли бы быть ограждены, или что вы по крайней мере надеетесь, что стороны смогут разъяснить до некоторой степени положение генералу Беннике, когда они будут вести с ним переговоры относительно этих прав. При этом возникает очень важный вопрос. Дело в том, что мы категорически отвергаем идею, будто только Сирия имеет права, которые могут просто и ясно быть названы существующими правами на Иордан. Мы считаем, что если Израиль имеет потенциальное право использования воды в демилитаризованной зоне, то Сирия также имеет потенциальные права на использование этой воды. Поэтому повторение слов «существующие права Сирии» уже предвещает, по-моему, вопрос без всяких доказательств и внушает начальнику штаба определенные идеи, против чего мы категорически возражаем.

30. В-пятых, я должен сказать, что представитель Новой Зеландии конечно имеет полное право просить членов Совета голосовать за различные пункты проекта резолюции трех держав, так же как и представитель Соединенного Королевства, который сделал это вчера, когда просил о раздельном голосовании. Но вся идея требования о голосовании документа по пунктам состоит в том, чтобы предоставить членам полную свободу руководствоваться своим собственным мнением при голосовании по каждому пункту согласно его достоинствам. Если, обращаясь к членам с просьбами, мы связываем их руки в отношении некоторых пунктов, которые при других обстоятельствах были бы ими определенно отклонены, то это не будет настоящим раздельным голосованием. Поэтому хотя, как я уже сказал, представители Новой Зеландии и Соединенного Королевства имеют полное право просить членов Совета голосовать за каждую записку данного текста, я имею такое же право просить членов Совета голосовать против них. В частности, я буду очень рад (опять-таки в связи с просьбой

самого г-на Мунро), если пункты 3, 8 и 10 будут отклонены, потому что полагаю, как и сказал вчера, что против этих пунктов можно возражать со многих точек зрения, которые я и имел честь изложить Совету раньше.

31. Наконец, я не могу не видеть, что представитель Новой Зеландии, формулируя свою точку зрения, не обратил достаточного внимания на пять элементов данного вопроса. Я говорю это со всем уважением к делегации Новой Зеландии и хорошо зная, что она тщательно ознакомилась с проблемой и составила свое мнение после глубокого и добросовестного изучения данного вопроса. Тем не менее я считаю, что в этом вопросе имеется пять элементов, на которые не обращено достаточного внимания.

32. Во-первых, на эти воды имеются и такие права, которые принадлежат не Израилю и не Сирии. Эти права принадлежат палестинским арабским беженцам. Эти беженцы имеют больше прав на эти воды, чем Израиль или Сирия. Мы будем очень признательны представителю Новой Зеландии и другим членам Совета, если они будут помнить об этом. Если вы собираетесь создать, путем международного акта, возможность лишения этих бедных людей, изгнанных из своих домов, с земли, которая принадлежала им тысячи лет, всех прав на эти воды, то вы собираетесь стать участниками того акта международной несправедливости, который, был совершен в этой части земного шара.

33. Во-вторых, вся проблема тесно связана с вопросом о том, вызовет ли проект, который Израиль имеет теперь в виду и который он начал выполнять, какие-либо серьезные изменения в статусе демилитаризованной зоны. Я полагаю, что мы сделали все от нас зависящее, чтобы показать (хотя, к сожалению, мы не могли убедить некоторых лиц), что статус демилитаризованной зоны будет изменен в трех важных отношениях и что согласно соглашению о перемирии это недопустимо. Во-первых, он изменится с военной точки зрения, на что и было указано представителем Новой Зеландии и другими лицами и что особенно подчеркивал генерал Беннике в своих докладах. Во-вторых, он изменится, поскольку это касается потенциальных прав Сирии на воды реки Иордана. Должен снова указать на это, ибо совершенно очевидно, что, если Израилю позволят отвести эти воды, потенциальные права Сирии на них будут ущемлены, а Сирия, как сказал нам г-н Зеинэддин, имеет свои собственные планы улучшений, связанных с этими водами. В-третьих, возникает вопрос, не изменится ли статус демилитаризованной зоны в такой степени, что это послужит препятствием к окончательному урегулированию разногласий между Израилем и остальной частью арабского мира, — урегулированием, которое вы, по вашим словам, хотели бы видеть состоявшимся. Как можете вы с одной стороны говорить, что желаете видеть это окончательное урегулирование состоявшимся, когда, с другой, допускаете, очевидно, выполнение определенных планов, которые исключают возможность такого окончательного урегулирования? Условия перемирия совершенно ясны. В демилитаризованной зоне не должно совершаться ничего такого, что могло бы отразиться на ее статусе, когда придет время для окончательного урегулирования разногласий. Я полагаю, что ничто не может быть более очевидным, чем тот факт, что если какое-либо государство ведет в демилитаризованной зоне такие большие строительные работы, как отвод вод

целой реки, который, как нам ранее сказал г-н Эбан, окажет влияние на всю экономику Израиля, то статус демилитаризованной зоны, поскольку речь идет о ее значении для Израиля, радикально и серьезно изменится. Следовательно вы не можете позволить Израилю делать это, пока не будет принято окончательное решение. Статус демилитаризованной зоны серьезно изменится в трех отношениях: во-первых — в военном отношении; во-вторых — в отношении потенциальных прав Сирии; в-третьих — в смысле изменения общего значения этой зоны для Израиля, а это, в свою очередь, умалит значение этой зоны как таковой к тому моменту, когда будет применяться первое окончательное решение.

34. Третье обстоятельство, которое, мне кажется, не было достаточно учтено уважаемым представителем Новой Зеландии, состоит в том, что данная проблема совершенно отлична от ранее рассмотренной проблемы, касавшейся болотистой местности в Хуле. Представитель Новой Зеландии совсем не коснулся этого обстоятельства. Но я должен снова подчеркнуть, что мы имеем дело (и мы давно пытаемся это доказать) с двумя совершенно различными проблемами, поскольку теперешняя проблема относится к демилитаризованной зоне, тогда как вопрос о Хуле не имел никакого отношения к демилитаризованной зоне, кроме как в связи с отдельными второстепенными обстоятельствами.

35. В своей речи представитель Новой Зеландии говорил о плане регионального сотрудничества. Может быть он сказал не эти именно слова, но он сказал что-то в том смысле, что хотел бы, чтобы там были осуществлены планы, которые могли бы способствовать региональному сотрудничеству.

36. Представитель Соединенных Штатов также имел это в виду в некоторых из своих заявлений. Все мы знаем, что политика Соединенных Штатов направлена на выяснение возможности выполнения таких планов регионального сотрудничества. Опять-таки, г-н и. о. Председателя, только в шутку (я думаю — не больше) можно было с одной стороны говорить, что вы верите в это, а с другой проводить политику или допускать проведение политики, которая подрывает эту возможность. Или вы абсолютно искренни в своем желании искать возможности выработки таких планов регионального сотрудничества, и в этом случае вы постараетесь, чтобы ничто не препятствовало их осуществлению, или, говоря так, вы, вместе с тем, имеете в виду, что может произойти нечто другое, что совершенно разрушит эту возможность, и в этом случае люди не могут относиться серьезно к тому, что вы говорите.

37. Я говорю это со всем уважением к вам. Но указать на эти обстоятельства необходимо. Эти обстоятельства надо выявить, потому что они имеют огромное значение и относятся к существу всего этого вопроса.

38. Наконец, имеется вопрос о суверенитете. Можно, конечно, говорить, что Сирия не должна накладывать своего вето на планы улучшений, которые имеют большое экономическое значение для Израиля, если не для всего данного района. Можно, повторяю, на это указывать. Это — очень похвально. Но все дело в том, что у Израиля — не больше прав на демилитаризованную зону, чем у Сирии. Если Израиль имеет право на выполнение в демилитаризованной зоне различных планов и проектов, то такое же право имеет и Сирия. Во время дебатов в Совете Безопасности в

прошлом постоянно указывали на то, что вопрос о суверенитете над демилитаризованной зоной не должен рассматриваться вовсе, пока данная проблема не будет окончательно разрешена. По-моему сам представитель Турции в период, когда его страна была (в прошлый раз) членом Совета, прекрасно разъяснил этот вопрос и сказал, насколько я помню, что, поскольку речь идет о суверенитете над демилитаризованной зоной, ни одно из этих двух государств вовсе не претендует на больший суверенитет, чем другое. Мы все конечно знаем (хотя я и не хочу входить в этот вопрос), что Израиль претендует на полный суверенитет над этой зоной и фактически этот суверенитет осуществляет, когда мы сидим здесь и ничего не говорим ему по этому поводу. Но Совет уже определенно установил, что ни одно из этих двух государств не может претендовать на больший суверенитет над этой территорией, чем другое, пока не будет принято окончательное решение.

39. Я полагаю, поэтому, что следует принять во внимание эти пять основных принципов, которые, как сказал и. о. Председателя, мы в течение последних трех месяцев пытаемся в Совете разъяснить. Эти принципы следующие. Во-первых, палестинские арабские беженцы имеют преимущественное право на эти воды — право, более сильное, чем какое бы то ни было право Израиля или Сирии. Во-вторых, в статусе демилитаризованной зоны происходят большие изменения, которые отражаются на положении Сирии с военной точки зрения и на ее потенциальных правах и которые могут препятствовать окончательному урегулированию всей проблемы, когда для этого наступит время. В-третьих, мы рассматриваем вопрос, который совершенно отличен от вопроса о Хуле. В-четвертых, совершенно бесполезно надеяться на успешность какого бы то ни было плана регионального сотрудничества по строительству в этой зоне, одновременно разрешая Израилю продолжать выполнение своих собственных планов. В-пятых, Израиль не имеет на эту зону никаких суверенных прав, которые не принадлежали бы также и Сирии.

40. Я дал этот краткий обзор ситуации потому, что меня побудила к этому речь и. о. Председателя, а также потому, что я позволяю себе искренне надеяться, что если бы эти обстоятельства были в достаточной мере приняты во внимание, то и. о. Председателя голосовал бы против проекта, который он, по его словам, намерен поддержать.

41. А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Г-н Председатель, по вопросу, который сегодня обсуждается, я уже несколько раз выступал, излагая точку зрения моего правительства на ту задачу, которая стоит перед Советом Безопасности при рассмотрении этого вопроса. Мне кажется, что это было сделано так много раз и носило уже поэтому столь исчерпывающий характер, что я мог бы сегодня и не брать слова и уже не возвращаться вновь к данному вопросу. Если я, однако, взял слово, то я руководствовался исключительно желанием и стремлением внести некоторую ясность в позицию Советского Союза в этот вопрос в связи — и не больше и не меньше, как в связи — с теми замечаниями, которые были сделаны вами, г-н Председатель, в качестве представителя Новой Зеландии. То, что вы сказали, мне представляется имеющим весьма большой принципиальный интерес, весьма большое принципиальное значение.

42. Чем объясняется отрицательное отношение советского представителя к проекту резолюции «трех»? Почему мы настойчивым образом добиваемся того, чтобы Совет Безопасности согласился с точкой зрения, которую мы развиваем, с точкой зрения, которая, кратко говоря, выражается в утверждении, что настоящий проект, представленный Соединенным Королевством, Соединенными Штатами Америки и Францией, не может считаться удовлетворительным решением вопроса, который стоит перед Советом Безопасности?

43. Отвечая на этот вопрос, я должен отметить, что, — как уже высказывались и некоторые другие члены Совета Безопасности, и если я правильно понял и г-н Мунро, который сегодня здесь выступал, — не отрицается, что этот проект — проект резолюции «трех» — не удовлетворяет ни одну из наиболее заинтересованных и действительно заинтересованных сторон в разрешении того спора, который обсуждается здесь в Совете Безопасности.

44. Мы говорим, что, действительно, этот проект является совершенно неудовлетворительным, если исходить из тех задач, которые нужно было бы решать, — неудовлетворительным уже потому, что в этом проекте резолюции старательно обходится вопрос о том споре, который сюда и привел представителя Израиля и представителя Сирии за помощью, ожидаемой от Совета Безопасности. Кроме того, то направление, которое дается этой резолюции теми, кто готов ее поддержать и кто даже выражает уверенность в том, что она является приемлемой для всех вообще членов Совета Безопасности, — то направление, которое дается этому толкованию и пониманию данного проекта резолюции, — находится, по нашему мнению, в противоречии с основными принципами, которыми должен руководствоваться Совет Безопасности, решая подобные вопросы, — с принципами международного права и принципами, изложенными в Уставе ООН.

45. Позиция Советского Союза в этом вопросе определяется принципиальной стороной дела, раньше всего. Мы стремимся к действительному и, по возможности, полному урегулированию этого спора. Мы стремимся к такому урегулированию, имея в виду, что это единственное справедливое, подлинное урегулирование, а не урегулирование только на бумаге в виде принятия резолюции, которая не способна урегулировать данный вопрос, не может устранить тех трений, не может устранить впоследствии тех затруднений, которые неизбежно будут возникать в демилитаризованной зоне и в отношениях между двумя государствами, которые эта демилитаризованная зона призвана охранять от всякого рода будущих столкновений, недоразумений и осложнений. И это именно потому, что эта резолюция не устраняет основного источника этих недоразумений. Вот поэтому мы и считаем, что этот проект резолюции не дает основной гарантии, которая устраняла бы или обеспечивала устранение возможных трений и недоразумений — гарантии, которая предусмотрена общими принципами международного права и нашим Уставом.

46. Иначе говоря, мы в нашей позиции по данному вопросу исходим из следующих положений:

47. Во-первых, что основным принципом международного права, отраженным очень хорошо и ярко в нашем Уставе, является уважение суверенного права государств и признание необходимости взаимного согласия на проведение любых мероприятий, которые затрагивают интересы каких-либо государств и осо-

бенно в вопросах такого характера, которые мы имеем сейчас перед собой — вопросов, касающихся демилитаризованной зоны, касающихся пограничных государств.

48. Во-вторых, что в данном случае, как раз, мы имеем такое положение, когда без согласия сторон невозможно сохранение нормального положения в демилитаризованной зоне и невозможно устранение тех недоразумений, которые будут неизбежными, если это нормальное положение будет нарушаться.

49. В этом случае нам приходится раньше всего обратиться к самому важному, я бы сказал, документу — к Общему соглашению о перемирии между Израилем и Египтом. Если обратиться к этому Соглашению, то нельзя никак будет примирить это Соглашение и те принципы, которые, как мы понимаем, — конечно, как мы понимаем, я подчеркиваю, — лежат в основе этого Общего соглашения; нельзя будет согласиться с тем, что здесь высказывалось, — и, в частности, представителем новозеландской делегации, — что якобы любая работа может производиться в демилитаризованной зоне, независимо от согласия с этими работами со стороны другого государства. Любая работа может производиться, значит, например Сирией, независимо от того, приемлема ли эта работа для Израиля, согласен ли Израиль с необходимостью и возможностью ее, нет ли возражений, скажем, со стороны Израиля. Или, например, может производиться Израилем в демилитаризованной зоне тоже любая работа, независимо от того, какова будет позиция, каково будет отношение к этой работе со стороны Ливана, со стороны Сирии, Иордана и т.д.

50. Я думаю, что такая позиция является неправильной. Нельзя согласиться с тем, что начальнику штаба, или даже ему, как председателю Смешанной комиссии, предоставляется вся полнота власти, что он, следовательно, может принимать те или другие решения, какие сочтет необходимыми, целесообразными, полезными, не считаясь с тем, как к этому отнесется та или другая сторона. Следовательно, можно даже допустить, что начальник штаба, как в данном случае и предлагается, может принять такие мероприятия, — как тут прямо сказано, — с которыми не согласна ни та, ни другая сторона — не согласен Израиль, не согласна и Сирия. Я думаю, что такое расширительное понимание прав начальника штаба и даже председателя Смешанной комиссии — не отвечает тексту, раньше всего, Общего соглашения о перемирии, не говоря уже об общих принципах международно-правового характера. Наоборот, Общее соглашение о перемирии покоится именно на принципе взаимного согласия.

51. Если мы обратимся к самому Соглашению, и, в частности, к статье VII, то мы увидим, что выполнение положений настоящего Соглашения поставлено под наблюдение не только начальника штаба или председателя этой Комиссии, а под наблюдение всей Смешанной комиссии. — как это и говорится в первом пункте статьи VII, — Комиссии, которая организуется, как известно, в порядке, который также предусмотрен этим Соглашением.

52. Известно, что по пункту 4 статьи VII решения Смешанной комиссии по перемирию должны приниматься на основании принципа единогласия. Правда, там сказано — «по возможности (конечно, все делается по возможности) на основании принципа еди-

ногласия». Если действует принцип, который говорит о том, что решения Смешанной комиссии могут приниматься лишь «по возможности, на основе принципа единогласия», а, при отсутствии единогласия, решения принимаются большинством голосов, то согласитесь с тем, что роль председателя здесь является только ролью одного из трех, голосующих за одну или другую позицию, а вовсе не ролью единоличного характера. Тут никакой диктатуры председателя нет, тут никакой полноты власти, единственно принадлежащей председателю, который решает в конце концов вопросы, нет. Здесь действует принцип большинства, если нет согласия и единогласия, этого общепризнанного принципа, которым надо руководствоваться и от которого можно отступить лишь в пользу большинства, а не председателя, и только тогда, когда невозможно достигнуть единогласного решения.

53. Вот два пункта статьи VII.

54. Обратимся теперь к статье VIII. Соглашение о перемирии, конечно, может быть пересмотрено. В каком порядке? Опять-таки указывается, что Соглашение может быть пересмотрено — это прямо сказано в пункте 3 статьи VIII — «с взаимного согласия сторон». Без взаимного согласия сторон не может быть пересмотра этого Соглашения. Если вы обратитесь к статье V, то вы увидите в пункте 1, как и в пункте 2, опять-таки указание на этот же самый принцип. Статья V, как известно, посвящена специально демаркационной зоне, но в ней особо подчеркивается, что правило, которое определяет собою статус демилитаризованной зоны, положение, которое определяет собою, например, демаркационную линию перемирия, а также линию демилитаризованной зоны и всякого рода положения, которые могут относиться к ней, — «принимаются по соглашению между израильскими и сирийскими вооруженными силами» и не могут истолковываться иначе. Следовательно, опять-таки принцип взаимного согласия лежит в основе этого положения.

55. Это вполне понятно, потому что еще по резолюции Совета Безопасности [S/1080] от 16 ноября 1948 года самое назначение демаркационной линии заключалось в том, чтобы она так разъединила вооруженные силы обеих сторон, чтобы были сокращены всякие возможности трений и инцидентов и чтобы в то же время было обеспечено постепенное восстановление нормальных условий жизни гражданского населения в районе демилитаризованной зоны. Следовательно, самый процесс восстановления нормального положения в демилитаризованной зоне стоит в зависимости от тех мероприятий, которые будут приниматься, — как это прямо вытекает из пункта 2 статьи V, — по взаимному согласию сторон.

56. Кто же может отрицать, после всего этого, что вопрос о проведении канала, при наличии протеста со стороны Сирии, не может рассматриваться вне связи с этими положениями, не может не рассматриваться в связи с вопросом о восстановлении нормального экономического положения, а следовательно и политического, в этой демилитаризованной зоне?

57. Таким образом, статья V, статьи VII и VIII, — по крайней мере, в своих различных пунктах этих трех больших важных и основных статей (всего имеется восемь статей) — говорят о том, что взаимное согласие сторон является общеобязательным, общепризнанным принципом, без которого не может жить демилитаризованная зона, без которого она не может

сохраняться как демилитаризованная зона, не может существовать как демилитаризованная зона, без которого не могут быть восстановлены в демилитаризованной зоне нормальные отношения, нормальное положение, нормальная жизнь.

58. Как же при этих условиях можно говорить, что достаточно будет поручить начальнику штаба разработать какие-то мероприятия для демилитаризованной зоны, которые непосредственно связаны с восстановлением нормального положения в этой зоне и выполнением ее основной функции, — не быть источником трений и недоразумений, а, наоборот, исключить всякую возможность таких трений и недоразумений, — если будет устранен принцип взаимного согласия сторон, если все будет свалено на председателя Смешанной комиссии или на начальника штаба, даже не как председателя Смешанной комиссии, а прямо как начальника штаба?

59. Что мы видим в пункте 10 проекта Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Франции? Там говорится, что «Совет Безопасности просит и уполномочивает начальника штаба изучить возможности примирения...», без согласования этих возможностей с заинтересованными сторонами. И далее — «предпринять такие шаги», иначе говоря меры, которые он считает целесообразными для того, чтобы осуществить это примирение, — опять-таки без согласования со сторонами, которые заинтересованы в этом, без того, чтобы спросить их мнение и поступить только так, как согласятся или не согласятся с позицией начальника штаба те стороны, которые являются заинтересованными в этом деле.

60. Вы можете считать это, конечно, — я обращаюсь к защитникам этого проекта — вполне достаточным и удовлетворительным. Но мы — я объясняю сейчас нашу позицию — с этим согласиться не можем.

61. Мы считаем, что основная задача Совета Безопасности вовсе не заключается в том, чтобы — говоря вульгарно (простите меня за этот оборот речи) — спихнуть этот вопрос на плечи начальника штаба: пусть он себе делает там, как хочет, а Совет Безопасности отойдет в сторону. Это значит Совету Безопасности рекомендовать такую тактику, когда Совет Безопасности будет уклоняться от всех решений тех вопросов, которые являются его основной задачей, решение которых является его основной обязанностью, потому что принять резолюцию с таким пунктом 10, который все возлагает на начальника штаба лично, без участия сторон; провести их в жизнь — без участия сторон — это значит Совету Безопасности уклониться от решения вопроса, уйти в сторону, взвалив все, и в том числе ответственность, на начальника штаба.

62. Конечно, было бы неправильно, если бы роль начальника штаба была сведена к роли простого исполнителя. Конечно, было бы неправильно, если бы представлялось, что начальник штаба не вправе принимать какие-то меры и т.д. Начальник штаба это серьезная политическая фигура, лицо ответственное, кроме того, Совету Безопасности, который в силу этого должен защищать права начальника штаба, в то же самое время не забывая обязанностей, которые возложены на начальника штаба.

63. Но я возражаю против такого толкования положения, характера, значения демилитаризованной зоны, которое вытекает из того, что здесь хозяином является начальник штаба, а стороны — это вовсе

не хозяева этого дела, и они в этом деле не должны даже принимать, по существу, никакого участия.

64. Такое положение не может быть признано нормальным; оно не соответствует самому принципу, лежащему в основе статута демилитаризованной зоны, а также задачам, которые должны преследовать учреждение демилитаризованной зоны. Односторонние действия начальника штаба или той или другой стороны не могут иметь место, в особенности, если имеются основания ожидать каких-либо осложнений.

65. Но в данное время я нахожу, что как раз в данном вопросе имеется случай такого характера. Мы имеем Смешанную комиссию, мы имеем начальника штаба. В Смешанной комиссии участвуют две стороны. Кажется, было бы совершенно нормальным и естественным, если бы этим сторонам и было поручено урегулирование этого вопроса путем взаимного согласия между собой.

66. Я думаю, что это полностью соответствовало бы и нашему Уставу, потому что Устав сам обязывает стороны добиваться урегулирования спорных вопросов собственными усилиями, а на Совет Безопасности возлагает содействие мирному разрешению различных споров, возлагает также обязанность оказывать содействие этим сторонам, которые будут свои действия направлять в соответствии со статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций. В ст. 33 прямо подчеркивается, что стороны обязаны «прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража» и т.д.

67. Так вот, разве можно все то, что я сказал, осуществить без взаимного согласия? Разве проект резолюции «трех» есть выражение принципа взаимного согласия?

68. Я думаю, что по тому положению, которое составил сегодня уважаемый представитель Новой Зеландии, не обязательно, чтобы те мероприятия, которые начальник штаба придумает для этой демилитаризованной зоны, были согласованы с заинтересованными сторонами. Это — неправильно. Мы, по крайней мере, придерживаемся прямо противоположного взгляда на вещи. Мы считаем, что именно всякое мероприятие, которое может и должен проводить начальник штаба, должно быть согласовано с заинтересованными сторонами.

69. Конечно, можно представить себе положение, когда начальник штаба примет решение без всякого согласования. Но какой же будет тогда результат? Если это решение не будет приемлемо для какой-либо стороны, это уже громадный политический минус, ибо, таким образом, остается источник всевозможных трений и осложнений. А если это решение будет принято без согласия обеих сторон, то в таком случае мы получим треугольник, который будет колебаться в каждом своем углу. Это тоже положение совершенно ненормальное.

70. Здесь говорили, что пункт 10 этого проекта резолюции есть главный пункт; его называли «сердцем» этой резолюции (да если бы его так не называли даже, то это видно из самого текста, потому что, кроме пункта 10, в этой резолюции ничего серьезного не содержится). Но и самый пункт 10 не только не удовлетворяет нашу точку зрения и нашу позицию в отношении принципа взаимного согласования в принимаемых начальником штаба решениях, но и то обстоятельство, на которое я обращал внимание чле-

нов Совета Безопасности уже полтора месяца тому назад. Я не уверен, что тогда это обстоятельство привлекло внимание членов Совета Безопасности и, вероятно, и сейчас это не привлечет больше внимания, но я должен об этом напомнить.

71. Все направление этого проекта резолюции не то, которое должно было бы быть дано резолюции, предназначенной для урегулирования данного спорного вопроса.

72. Спорный вопрос идет относительно права Израиля проводить канал. Это право Израиль безусловно имеет. Но он не может пользоваться этим правом в ущерб интересам другой заинтересованной стороны. И смысл всех наших соображений заключается в том, что Израиль проводит эту работу в демилитаризованной зоне, а не на своей территории. На своей территории израильское правительство хозяин, а в демилитаризованной зоне — два хозяина: израильское правительство и, кроме того, правительство Сирии.

73. Но оба эти правительства могут быть на столь противоположных позициях, что не будет возможности проводить общие мероприятия. Для этого существует Смешанная комиссия, для этого существует нейтральный председатель Смешанной комиссии, для этого существует, наконец, Совет Безопасности.

74. Я допускаю такое положение, что на месте не могли ни о чем договориться и пришли в Совет Безопасности. Но в таком случае Совет Безопасности не имеет права отсылать их обратно туда же, — от Понтия к Пилату. Он не имеет права отправлять их, потому что он сам должен либо принять какое-то решение, либо еще раз попытаться, чтобы решение было принято по согласованию между спорящими сторонами, без нарушения того основного принципа, который нашел себе выражение в Уставе.

75. Значит, все направление проекта резолюции, независимо даже от нынешнего пункта 10 (бывшего пункта 11), не то, которое могло бы встретить поддержку со стороны моего государства.

76. Если вы считаете, что взаимное согласие улучшает дело, а отсутствие взаимного согласия сторон ухудшает, то вы никак не должны возражать против того, чтобы в пункт 10 была вставлена ясная и короткая формула: «По взаимному согласию сторон».

77. Пусть начальник штаба вырабатывает и проводит те или иные мероприятия в демилитаризованной зоне, но вы добавьте — «не только в соответствии с Соглашением о перемирии, но и по согласованию с заинтересованными сторонами».

78. Я прямо скажу, что если бы такое добавление было сюда включено, то наша позиция в этом вопросе не была бы тогда препятствием к тому, чтобы этот пункт 10 был принят. Но если этого взаимного согласия нет, если этого важнейшего принципа здесь нет, — то, конечно, я никогда не смогу и не буду поддерживать такой пункт, который нарушает такой важный политический принцип. Это также и принцип юридический, потому что это есть основной принцип международного права.

79. Но я должен сказать, что именно потому, что весь характер этой резолюции направлен в другую сторону, то эта резолюция вообще несовместима с той позицией, которую я себе сейчас позволяю перед вами защищать. Но это, конечно, не могло бы служить препятствием к тому, чтобы остальные члены

Совета Безопасности, согласные с другой позицией и имеющие здесь требуемое Уставом большинство голосов, использовали это большинство для поддержки этой резолюции без моего в этом деле участия. Но если пункт 10 останется в том виде, как мы его сейчас имеем перед собой, то это является основным препятствием к тому, чтобы советская делегация могла присоединиться к этому проекту резолюции. Советская делегация может занять другую позицию по отношению к этому проекту резолюции лишь после того, как этот пункт будет из этого проекта изъят.

80. Резюмируя сказанное, я хочу еще раз сказать следующее. Мы против этого проекта резолюции по следующим мотивам: во-первых, проект резолюции не направлен на решение того вопроса, который стоит перед нами, — о работах по проведению канала; во-вторых, если будет принят этот проект резолюции, то он оставляет положение со спорным вопросом без всякого решения со стороны Совета Безопасности, с чем согласиться нельзя, потому что Совет Безопасности не имеет права никому передоверять решение в споре между двумя сторонами, кроме как самим заинтересованным в этом споре сторонам; в-третьих, потому что остается опасность, что в соответствии с текстом этой резолюции, как он здесь сейчас перед нами имеется, действия не будут соответствовать перспективам, а бы сказал, экономического развития обеих спорящих сторон, — с одной стороны, Сирии и, с другой стороны, Израиля.

81. Об этом, между прочим, сказал достаточно убедительно (и я не буду повторять) г-н Малик, когда он подчеркнул, что самая формула — «существующие права охраняются» — при наличии, что речь идет не о существующих правах, когда вопрос касается планов Израиля, а о будущих правах, какие Израиль приобретет вот в этой зоне, — неправильна. Речь идет не о сохранении существующих ныне прав, а о будущих правах, какие Израиль приобретет в результате осуществления своего плана ирригации. А Сирия остается вне этой возможности, ибо по самому тексту резолюции видно, что охраняться должны только «существующие права». Тут, конечно, явное нарушение принципа о равенстве сторон.

82. Все это вместе взятое усиливается еще таким недостатком, что при принятии такого проекта резолюции, как проект «трех», остается неустранным источник дальнейших трений, что не может оставаться вне поля зрения Совета Безопасности. Нет никаких гарантий против возникновения таких трений и возможных затруднений, которые в дальнейшем процессе могут оказаться налицо, так как отвергается необходимость взаимного согласия сторон, заинтересованных в решении вопроса, в решении, от которого Совет Безопасности, таким образом, уклоняется, пытаясь решение этого вопроса переложить на плечи начальника штаба.

83. Все те обстоятельства, которые я сейчас здесь изложил, являются объяснением позиции, которую я занимаю, как представитель советского государства в Совете Безопасности, по отношению к проекту резолюции «трех».

84. Я говорил неоднократно, что было бы целесообразнее всего авторам этого проекта не настаивать на голосовании своей резолюции, а предоставить решение этого вопроса, раньше всего, согласованным усилиям, с одной стороны, непосредственно заинтересованных в этом деле сторон — Сирии и Израиля

— и, с другой стороны, при участии начальника штаба.

85. Мне кажется, что в этом отношении проект резолюции, представленный Ливаном за № S/3166, является более соответствующим тем целям и задачам, которые стоят перед Советом Безопасности. Этим и определяется отношение моей делегации к проекту резолюции, представленному ливанской делегацией под № S/3166.

86. Сэр Гладвин ДЖЕББ (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Так как г-н Вышинский в своей последней речи пытался совершенно разрушить, как он думал, все доводы, на которых основаны мотивы авторов совместного проекта резолюции, мне кажется, что я вправе (и я думаю, что и. о. Председателя с этим согласится) дать краткий ответ до голосования, чтобы опровергнуть сказанное г-ном Вышинским.

87. Г-н Вышинский довольно подробно говорил о позиции начальника штаба, как он ее понимает. Теперь уже так поздно, что я, разумеется, не могу останавливаться на поставленном г-ном Вышинским юридическом вопросе сколько-нибудь подробно, но это — важный принципиальный вопрос. Я считаю, что должен от себя лично и от имени своих коллег просто заявить для занесения в протокол, что мы никак не можем согласиться с анализом, который г-н Вышинский был так любезен предложить нашему вниманию. Я должен с большим сожалением сказать, что подобный анализ очень неожиданен для такого большого и известного юриста. В конце концов нам нужно только прочесть те статьи Общего соглашения о перемирии, на которые ссылался г-н Вышинский, чтобы увидеть, что именно самому начальнику штаба принадлежит решающий голос в Смешанной комиссии по перемирию в тех случаях, когда две стороны не могут прийти к соглашению. Это определено предусмотрено, и этого просто нельзя оспаривать.

88. Далее, из статьи V Общего соглашения о перемирии совершенно ясно, по крайней мере для нас, что именно на начальнике штаба лежит общий надзор в демилитаризованной зоне.

89. Разумеется, в данный момент я не могу привести всю статью V, но мне достаточно привести пункт 5с этой статьи, который гласит:

«Председатель Смешанной комиссии по перемирию, учрежденной согласно статье VII настоящего Соглашения, и наблюдатели Организации Объединенных Наций, прикомандированные к этой Комиссии, несут ответственность за обеспечение полного проведения настоящей статьи в жизнь».

Казалось бы это — яснее ясного. На основании этой статьи начальник штаба имеет известные права, и даже г-н Вышинский не может утверждать, будто эти права принадлежат кому-нибудь другому. Речь идет не о большинстве голосов или о чем-нибудь подобном, а в конечном счете о правах начальника штаба в демилитаризованной зоне.

90. Г-н Вышинский прилагает очевидно большое значение пункту 4 статьи VII, который он огласил. Я тоже сошлюсь на этот пункт. Этот пункт гласит:

«Решения Смешанной комиссии по перемирию должны приниматься, поскольку это возможно» (подчеркиваю — поскольку это возможно) «на основании принципа единогласия...».

Совершенно очевидно, что эти решения должны быть единогласными, если это возможно, но г-н Вышинский

не обратил никакого внимания на следующую фразу в этом пункте, а в ней-то и заключается суть дела. В этом пункте далее сказано:

«При отсутствии единогласия решение принимается большинством голосов членов Комиссии, присутствующих и голосующих».

Таким образом, если в этой Комиссии, состоящей из представителей Израиля и Сирии и генерала Беннике, представители Израиля и Сирии не могут прийти к соглашению, то голос генерала Беннике является решающим и окончательным. Таким образом, здесь нельзя найти ничего такого, что каким-то образом лишило бы генерала Беннике принадлежащих ему прав. Дело в том, что ему эти права принадлежат, нравится ли это г-ну Вышинскому или нет.

91. Другими словами и короче говоря, я полагаю, что г-н Вышинский основывает все свои доводы на предположении, что рассматриваемый нами спор является, так сказать, просто спором между двумя странами, относящимся к той категории споров, рассмотрением которых Совет Безопасности часто занимался в прошлом. Г-н Вышинский заявляет, что участниками этого спора являются Израиль, с одной стороны, и Сирия, с другой. Сирия представила жалобу, и поэтому мы должны попытаться добиться соглашения, и это — все, что мы должны сделать. Но это просто неверно. Этот вопрос является до некоторой степени вопросом *sui generis*. Это — не обычный спор. Этот спор возник в связи с тем, что имеется в виду совершить известные действия, что в свою очередь возбуждает вопросы, имеющие прямое отношение к Общему соглашению о перемирии между Израилем и Сирией, и Совет рассматривает именно эти вопросы, возникающие в связи с Общим соглашением о перемирии, а следовательно и вопрос о положении начальника штаба, который по Общему соглашению о перемирии наделен большими правами. Именно этим-то вопросом мы прежде всего и занимаемся, и утверждать, как утверждает очевидно г-н Вышинский, будто все, что при данных обстоятельствах необходимо, это — обеспечить соглашение между Израилем и Сирией или, другими словами, заявлять, будто для того, чтобы урегулировать данный спор, важно получить согласие Сирии на производимые в демилитаризованной зоне работы, это значит игнорировать все соображения, которые были мной или моими коллегами так подробно развиты в прошлом и которые мы изложили совсем недавно во время этой затянувшейся дискуссии.

92. Таким образом г-н Вышинский устраняет всякую, какова бы она ни была, возможность конструктивного разрешения обсуждаемой нами проблемы. Не хочу утверждать, что именно этого хочет г-н Вышинский, но могу сказать здесь и теперь, что можно думать, что он хочет именно этого.

93. А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я постараюсь говорить возможно короче, чтобы не затягивать обсуждения этого вопроса.

94. Я хочу ответить г-ну Джеббу, раньше всего, относительно его ссылки на мои юридические качества. Конечно, это дело целиком его личной оценки — дело его вкуса. Но, как известно, о вкусах вообще не спорят или как говорят по-латыни *de gustibus non est disputandum*. Поэтому я еще раз говорю — это дело исключительно оценки г-на Джебба.

95. По существу он все-таки считает, что решаю-

шая роль принадлежит начальнику штаба. Он ссылается при этом на параграф 5 статьи V и, в частности, на подпункт с. Но я об этом тоже говорил. Подпункт с говорит о том, что... несут ответственность начальник штаба как председатель этой Комиссии и сама Комиссия. Это вполне понятно. Они несут ответственность за полное выполнение настоящего Соглашения, но это вовсе не значит, что этим самым предоставляется решение всех вопросов начальнику штаба. А относительно решения всех вопросов имеется другая статья. Но и в статье V имеется пункт е, который указывает, какие именно вопросы может решать председатель Смешанной комиссии самостоятельно.

96. Г-н Джебб — позвольте мне тоже сказать, что я его считаю великим юристом — как раз не обратил внимания на этот пункт. Тут говорится:

«Председатель Смешанной комиссии по перемирию имеет право разрешать гражданскому населению возвращаться в деревни и селения, расположенные в демилитаризованной зоне, а также пользоваться в этой зоне набранной на месте гражданской полицией...».

Вот конкретные права председателя решать самостоятельно те вопросы, которые здесь указаны. Вот только эти вопросы председатель Смешанной комиссии имеет право решать самостоятельно.

97. Г-н Джебб об этом предпочел умолчать.

98. Кроме того, я должен сказать, что и о пункте 4 статьи VII я также указал, что в случае, когда единогласия достигнуть не удастся, то решение принимается не решением самого начальника, а большинством голосов с участием начальника.

99. Я теперь спрашиваю г-на Джебба — также великого юриста, как и я, по его словам, на что я не претендую, — что же это, то же самое? Один начальник решает или трое должны решать, и среди них начальник? Я думаю, что это не то же самое. Я думаю, что не надо даже быть великим юристом для того, чтобы это понять.

100. Я утверждаю поэтому, что начальнику штаба может в известных случаях принадлежать решающая роль, но в числе других участников Комиссии. А если этих двух нет, тогда что может сделать начальник штаба? Если есть разногласия, но такие, которые не дают решения: двое так голосуют, двое голосуют иначе, а начальник штаба еще иначе голосует, тогда кто решает? Может ли в таком случае принадлежать решающий голос начальнику штаба — как пятому члену Комиссии? Нет. Значит начальнику штаба не принадлежит решающий голос. А когда ему принадлежит решающий голос? Когда к нему присоединяются два других. Значит кому принадлежит решающий голос? Трем, в том числе и начальнику штаба. Без двух, начальник штаба не имеет решающего голоса. Не нужно быть великим юристом, чтобы это понимать.

101. Наконец, дальше я хотел бы сказать следующее. Пункт 3 статьи VIII говорит:

«Стороны этого Соглашения могут по взаимному согласию пересмотреть в любое время это Соглашение...».

Как могут стороны пересматривать любой пункт этого Соглашения по взаимному согласию? Откуда я делаю вывод, что принципом, лежащим в основе этого Соглашения, является взаимное согласие. А кто же является решающим в окончательной инстанции? Ре-

шающей и окончательной инстанцией является Совет Безопасности. Это видно из пунктов 3 и 4: «Если имеются разногласия, которые не могут быть согласованы, то по просьбе одной из сторон председатель Комиссии обязан созвать конференцию из этих двух сторон», опять-таки в равном количестве, и таким образом эта конференция должна разрешать имеющиеся место разногласия. А если не может разрешить этот вопрос конференция, что тогда? Тогда вопрос решается согласно пункту 4 статьи VIII, где говорится:

«Если конференция, предусмотренная пунктом 3 настоящей статьи, не достигнет приемлемого разрешения вопроса, то любая сторона может передать этот вопрос, как нерешенный, Совету Безопасности, который должен его решить».

102. Следовательно, кто же решает в конце концов? Совет Безопасности. Не начальник штаба, а Совет Безопасности. А начальник штаба только в одном случае может решать самостоятельно, как это указано в пункте 5 статьи V, подпункт е. Во всех остальных случаях он может иметь какое-то значение только в том случае, когда к его решению присоединяются еще два члена из этой пятерки. Это вполне естественно и законно.

103. Разве можно из этого сделать те выводы, которые сделал г-н Джебб? Я считаю, что нельзя.

104. Если обратиться после всех этих соображений к пункту 10 проекта резолюции, то окажется, что пункт 10 как раз не предусматривает таких возможностей, именно предоставляя, вопреки принципу, лежащему в основе Соглашения о перемирии, начальнику штаба как председателю Смешанной комиссии решающий голос. Это, конечно, является совершенно неправильным. Это противоречит Соглашению.

105. Г-н Джебб сказал, что я разрушаю шансы как-нибудь решить этот вопрос. Он глубоко заблуждается и напрасно беспокоится. Беспокоится он напрасно потому, что я не могу разрушить вашей конструкции, выраженной в пункте 10 и во всем проекте резолюции, — так как этот проект резолюции ничего не решает. Того вопроса, который он должен решить, он не решает. Поэтому нет оснований беспокоиться за то, что я разрушаю то, чего не существует. Я ничего не разрушаю. Я только показываю, что вы разрушаете. А вы разрушаете возможность перевести весь вопрос в плоскость взаимного соглашения при содействии начальника штаба и Совета Безопасности.

106. Поэтому я глубоко уверен в том, что есть только один путь для решения данного вопроса, путь, который мы предлагаем, т.е. путь не только единоличного решения, решения по усмотрению начальника штаба, а нормальный путь, установленный Соглашением о перемирии, заключающийся в том, что нужно, чтобы при участии начальника штаба обе стороны пытались договориться и согласовать то решение, которое может быть принято для того, чтобы устранить разногласия, какие имеются в данном вопросе.

107. И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (говорит по-английски): Я думаю, что Совет может теперь приступить к голосованию. Первым будет поставлен на голосование проект резолюции, содержащийся в документе S/3151/Rev.2. Представитель Ливана просил меня ставить этот проект резолюции на голосование по пунктам. Согласно правилу 32 наших правил процедуры, я должен официально спросить, возражают ли авторы этого проекта резолюции против голосования

по пунктам. В списке ораторов у меня значатся два лица, и хотя первым заявил желание высказаться представитель Соединенного Королевства, представитель Ливана просил слова к порядку ведения заседания.

108. Сэр Гладвин ДЖЕББ (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я также хотел сделать заявление к порядку ведения заседания, но с удовольствием уступаю место представителю Ливана.

109. Г-н Шарль МАЛИК (Ливан) (*говорит по-английски*): Из текста статьи 32 я не вижу, чтобы Председатель был обязан предлагать первоначально внесшему предложение представителю высказать свое мнение. Представитель, первоначально внесший предложение, вправе высказать свое мнение и без прямого предложения со стороны Председателя. В правиле 32 не сказано, что части одного предложения или проекта резолюции голосуются раздельно по просьбе любого представителя, при условии, что Председатель уже выяснил, имеются ли возражения со стороны первоначально внесшего предложение или проект представителя. В нем сказано: «если первоначально внесший их представитель не возражает». По-моему, это значит, что инициатива должна исходить от представителей, первоначально внесших данный проект. Все они находятся здесь и могут сами сделать возражения, если желают. Я не вижу никакой необходимости в том, чтобы Председатель брал на себя инициативу и просил их высказать свои мнения.

110. И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (*говорит по-английски*): Прежде чем дать ответ на заявление представителя Ливана, предоставляю слово представителю Соединенного Королевства по вопросу к порядку ведения заседания.

111. Сэр Гладвин ДЖЕББ (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Что касается только что сделанного представителем Ливана заявления, то могу сказать, что независимо от того, был ли этот вопрос поднят самим и. о. Председателя, я намеревался, по соображениям, о которых скажу, поднять этот вопрос до голосования. Поэтому данный вопрос о порядке ведения заседания можно, пожалуй, заранее считать отпавшим.

112. Вчера во время прений г-н Малик сослался на правило 32 наших правил процедуры, часть которого гласит:

«Части одного предложения или проекта резолюции голосуются раздельно по просьбе любого представителя, если первоначально внесший их представитель не возражает».

Г-н Малик выразил надежду, что проект резолюции будет поставлен на голосование по частям, и добавил [655-е заседание]:

«Авторы настоящего проекта резолюции, конечно, вправе возражать против моей просьбы, но я надеюсь, что они этого не сделают».

Выступая по поводу этого заявления г-на Малика, я, кроме прочего, сказал:

«... хотя в данном случае, как я лично считаю, по причинам, уже указанным представителем Франции, у авторов этой резолюции и есть веские основания возражать против каких-либо предложений о ее голосовании по пунктам или по частям и хотя, по-моему, такие возражения и были бы с нашей стороны вполне уместны, мы фактически, поскольку я понимаю, — и я полагаю, что я тут

опять говорю от имени соавторов, — не собираемся представлять никаких официальных возражений».

113. Однако, с тех пор как я сделал эти замечания, обстановка очевидно изменилась по крайней мере в двух важных отношениях.

114. Во-первых, г-н Малик сегодня фактически не исполнил той просьбы, с которой я обратился к членам Совета. Я просил членов Совета о том, чтобы, подавая свои голоса, они имели в виду данный проект резолюции в целом, даже если он будет голосоваться по пунктам, ибо исключение любого пункта резолютивной части сведет на нет все значение самого проекта. Я думаю, что буду прав, если скажу, что г-н Малик во всяком случае остался глух к этой просьбе и заявил, что, по его мнению, проект резолюции безусловно должен быть поставлен на голосование по пунктам. Это относится, в особенности, к пункту 8, который, как полагает г-н Малик, в любом случае должен быть отклонен.

115. Во-вторых, может быть я ошибаюсь, но, по-моему, представитель Советского Союза г-н Вышинский к сожалению ясно намекнул в своем сегодняшнем заявлении, что намерен, если потребуются, воспользоваться своим правом вето, чтобы не допустить принятия одного важного пункта нашего проекта резолюции, хотя г-н Вышинский повидимому особенно не возражает против большей части остальных пунктов проекта.

116. Выступая от имени двух представителей, которые присоединились ко мне при составлении проекта резолюции, я считаю при сложившихся обстоятельствах нужным официально сослаться на предоставляемое авторам проекта резолюции правилом 32 право возражать против любого предложения о том, чтобы проект резолюции голосовался по пунктам или по частям, и не думаю, чтобы представитель Ливана имел что-нибудь против этого.

117. И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (*говорит по-английски*): Прежде чем предоставить слово представителю Ливана, хочу только сказать, что, принимая во внимание ход настоящих прений по данному конкретному вопросу, я считал и все еще считаю, что следовало поставить вопрос именно таким образом, как я его поставил для удобства Совета. Однако в настоящее время этот вопрос является, очевидно, теоретическим.

118. Г-н Шарль МАЛИК (Ливан) (*говорит по-английски*): Сэр Гладвин Джебб заявил, что теперь в данной ситуации имеется два новых элемента и что, прежде всего, я отклоняю вчерашнюю просьбу о рассмотрении проекта резолюции в целом. Я не понимаю, что это значит. Я сказал, и для меня все еще совершенно очевидно, что я должен был сказать, что весь смысл любого предложения о голосовании проекта резолюции по частям в сущности отпадает, если просьбы, подобные просьбе представителя Соединенного Королевства, понимались бы таким образом, что делегации не вправе рассматривать каждую часть проекта по ее достоинствам и соответственно голосовать за или против нее или воздержаться. Вся идея разделения или разбивки текста в том и заключается, чтобы обеспечить такое право, такую свободу. Если такая свобода отрицается в связи ли с просьбой или по каким-либо другим соображениям, то никакого раздельного голосования больше не существует.

119. Поэтому должен почтительно заявить, что первый новый элемент, на который представитель Соединенного Королевства указал как на обстоятельство, заставившее его изменить свою крайне осторожную и сдержанную вчерашнюю позицию, является (мне жаль, что я должен это сказать) чисто риторическим. Я никогда не ожидал, что представитель Соединенного Королевства вообще поставит вопрос таким образом, ибо нет никакого нового элемента в каком бы то ни было смысле слова, который мог бы заставить его изменить свою вчерашнюю позицию. Это — первое.

120. Затем я должен сказать, что согласно правилу 32 правил процедуры авторы данного проекта безусловно могут возражать против моей просьбы о голосовании этого проекта резолюции по частям. Они имеют на это полное право. Хочу только указать здесь, что, насколько мне известно, на это постановление ссылаются теперь в первый раз в истории Организации Объединенных Наций авторы данного текста и, если я неправ, я хотел бы, чтобы мне на это указали. Если представитель Соединенного Королевства убедится по нашим отчетам, что это возражение, на которое авторы несомненно имеют право согласно правилу 32, делается впервые в истории Организации Объединенных Наций именно им в связи с вопросами, относящимися к Палестине, с которыми правительство Соединенного Королевства имеет дело начиная с 1917 года, то я должен заявить, что это не поможет улучшить положение на Ближнем Востоке вообще. Я очень сожалею, что это исходит от представителя Соединенного Королевства, который говорит, разумеется, также от имени своих двух коллег, и заявляю, что в протоколах будет отмечено, что все серьезные отступления от обычных прецедентов и процедуры, которые имеют место в Организации Объединенных Наций, очевидно касаются Палестины, по какому-то странному стечению обстоятельств, которое я не понимаю или которое я слишком хорошо понимаю, чтобы разъяснять его в Совете.

121. Я сожалею, повторяю, что представитель Соединенного Королевства и другие представители, которые являются авторами данного проекта резолюции, сочли необходимым сослаться на свое право согласно правилу 32. Я со всей искренностью просил их вчера и снова прошу их пересмотреть свое возражение. Они могут настаивать на своем, и, конечно, нам придется подчиниться правилам процедуры, но если они будут настаивать на своем, то, как я уже сказал, это будет, поскольку мне известно, первый раз в истории Совета Безопасности, что подобная просьба встречает возражение со стороны авторов проекта резолюции.

122. В протоколе будут записаны мои слова, что это отступление, это возражение, это необычное отношение имело место при рассмотрении палестинского вопроса. Могу сказать только, г-н и. о. Председателя, что если все отступления от обычной процедуры имеют место при рассмотрении вопросов, относящихся к Палестине, то ваши надежды на мир в этом районе — надежды, которые разделяются, я уверен, сэром Гладвином Джеббом и другими присутствующими здесь представителями, должны рассеяться. Поэтому я снова прошу представителей Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции не возражать против моей просьбы о голосовании данного проекта резолюции по частям. Если они будут настаивать на своем возмущении, то мне остается лишь

надеяться, что этот проект резолюции не пройдет либо в результате голосования в Совете, либо в результате применения какого-либо другого метода, при помощи которого он может быть отклонен. Мне совершенно безразлично, каков будет метод, потому что я считаю, что вся процедура, о которой идет речь, является совершенно ненормальной.

123. Г-н ВАДСВОРТ (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я хочу присоединиться к возражению представителя Соединенного Королевства против просьбы представителя Ливана о голосовании данного проекта резолюции по частям. Я поступаю так потому, что совершенно убежден, что это — лучше всего при рассмотрении данного вопроса.

124. Я не собираюсь препятствовать кому-либо высказать свои возражения против пункта 8 или против любого другого пункта. Я нахожу, что при происшедших уже несколько раз дебатах по данному вопросу различные члены Совета достаточно разъяснили свои мнения. Я считаю, что для нас пришло время приступить к голосованию.

125. А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Г-н Джебб заявил, что он формально возражает против раздельного голосования проекта резолюции «трех». К этому заявлению присоединился также и представитель Соединенных Штатов Америки. Это, конечно, их право. Но я должен отметить, по крайней мере, два заслуживающих, мне кажется, внимания обстоятельства.

126. Господин Джебб сослался на то, что одним из мотивов, по которому он имеет в виду возражать и возражает против раздельного голосования, — является то, что, видимо, советский представитель рассчитывает воспользоваться своей привилегией при голосовании. Мне непонятно о какой привилегии говорит господин Джебб?

127. Никакой привилегией советский представитель пользоваться не желает и не будет. Он желает и будет пользоваться тем правом, которое ему предоставлено Уставом. И покамест Устав существует и покамест в Уставе установлен порядок голосования не привилегией является придерживаться такого порядка, а это есть право каждого члена Совета Безопасности — придерживаться порядка, который установлен законом Организации Объединенных Наций, — нашим Уставом. Поэтому разговоры относительно привилегии в данном случае не имеют под собой никакой серьезной почвы, если не говорить, конечно, о демагогических целях. Но я не хочу читать в душе г-на Джебба и поэтому воздержусь от того, как квалифицировать это его заявление.

128. Но в действительности, — и это второе обстоятельство, которое требует внимания, — здесь некоторые члены делегации хотят воспользоваться, я не скажу, своей «привилегией», но совершенно необычной практикой — поступить в совершенном противоречии с обычной практикой.

129. Вчера только г-н Джебб — у меня, к сожалению, нет русского текста его выступления — говорил, что он не думает предъявить формальные возражения против голосования по пунктам и полагает, что он также может говорить от имени своих *sponsors*. Он даже сказал больше того. Он сказал, что имеются прецеденты:

(Г-н Вьшинский цитирует по-английски.)

"As I understand it, there are few precedents in this regard and we do not wish in any way to depart from precedent unless it is absolutely a case of urgent necessity".*

(Продолжает по-русски.)

Ясно совершенно, что он из уважения к прецедентам, которые имеются в нашей практике, не думает становиться на путь, который противоречил бы этой практике, если что-нибудь особенное не случится или это не заставит его сделать какая-то срочная необходимость. Какая же срочная необходимость заставляет его сейчас возражать против этого? Оказывается, позиция, которую занимает в этом вопросе представитель Советского Союза.

130. Но г-н Джебб, вероятно, упустил из виду, что эту позицию представитель Советского Союза не сегодня занял, и поэтому непонятно, что для него явилось неожиданным. Он занял ее буквально три месяца тому назад, а также вчера, до заявления г-на Джебба, и в предыдущие дни в январе месяце, и 21 декабря, и в ноябре месяце. Эта позиция была все время неизменной. Почему же вчера г-н Джебб находил возможным не сходить с того пути, по которому обычно идет во всех таких случаях Совет Безопасности? Почему он сегодня сходит с этого пути? Значит, не сегодняшняя моя позиция, а вообще позиция, которую я защищаю в течение трех месяцев, заставляет его это сделать. Однако он не делал до сих пор никакого намека на то, — если это можно назвать намеком, — на что он намекает сегодня.

131. В чем же дело? Я думаю, что г-н Джебб, если уж позволено говорить о привилегиях, пользуется привилегией правила 32 для того, чтобы не допустить до свободного голосования по каждому пункту, имеющему определенное значение в этой резолюции. Имеет определенное значение и пункт 9, в котором говорится, что стороны призываются к таким-то и таким-то действиям. Имеет несомненно известное значение и пункт 7, который напоминает сторонам, что при толковании смысла какого-либо из положений Соглашения принимается толкование Смешанной комиссии и т.д., равно как пункты 5, 6 и 8, которые, мне кажется, являются приемлемыми. Почему же вы лишаете меня возможности голосовать за эти пункты? Вероятно только потому, что вы хотите заставить меня голосовать за неприемлемый для меня пункт. Но ведь это такой вид давления, который расходится с элементарными понятиями свободы голосования. И это вы называете моей привилегией?

132. Я прошу голосовать по пунктам потому, что имеется целый ряд пунктов в этом проекте резолюции, которые позволяют мне — несмотря на то, что я не согласен с общим направлением этой резолюции, — голосовать за эти пункты. Но вы не хотите, чтобы я голосовал по этим пунктам, потому что вам выгодно изобразить меня, как рыцаря вето. На это вы не намекаете, а это вы прямо говорите. Вы заставляете меня пользоваться моим правом, потом вы это право превращаете в привилегию, потом привилегию превращаете чуть ли не в преступление, и думаете, что вы действительно занимаете законную позицию, тем

* Если я не ошибаюсь, прецедентов такого рода мало, а мы не хотели отклоняться от прецедентов, если только это не вызывается крайней необходимостью. (См. Официальные отчеты Совета Безопасности, Девятый год, 655-е заседание, стр. 9, пункт 87.)

более, что только вчера вы утверждали, что путь, по которому вообще следовал до сих пор Совет Безопасности, является путем, с которого вы не пытаетесь столкнуть Совет Безопасности. А сегодня вы доказали, что ваши слова имеют очень малое значение, ибо вчера вы говорили при конъюнктуре, которой вы хотели воспользоваться, чтобы надавить на те делегации, которые должны согласиться с нами, ставя вопрос — или соглашайтесь с нами, или не будет никакой резолюции. Вот каково положение. И вы это называете привилегией? Я называю это злоупотреблением с вашей стороны своим правом. Я в данном случае своим правом не намерен злоупотреблять, а рассчитываю использовать его *stricti juris*, и не только *stricti juris*, но и политически, кроме того.

133. Поэтому я считаю позицию, которую заняли представители США и Великобритании г-н Джебб и г-н Вадсворт, не отвечающей той практике, которая установилась в Совете Безопасности, при голосовании, на уважении принципа свободного волеизъявления, чему служит, а не мешает, предложение представителя Ливана г-на Малика о голосовании по пунктам. При таком голосовании будет ясно каждому, какой пункт является приемлемым, какой и кому — неприемлем, почему он неприемлем и что нужно сделать, чтобы добиться, в конце концов, единодушия в Совете Безопасности. Но такими методами, какими сейчас пробуют действовать представители Великобритании, добиться единодушия, — никогда не будет возможно.

134. Я считаю, что г-н Джебб имеет право говорить о привилегии лишь только в отношении тех, кто пользуется никогда неиспользованным до сих пор правилом 32 (во второй его части) правил процедуры. В отношении же права голосовать по Уставу и в соответствии с Уставом — это не привилегия, а это — право, которое не только меня касается, но и вас всех касается, которым вы также можете пользоваться и несомненно будете пользоваться. Соединенные Штаты также будут пользоваться этим правом, как об этом заявил столь авторитетный — особенно в настоящее время — человек, как Джон Фостер Даллес, в своей книге «Война или мир», где он прямо говорил, что если бы при голосовании дело касалось Панамы, то мы голосовали бы так, как это соответствует нашим интересам, хотя это было бы вето. Прочитайте эту книгу, и вы это сами увидите; вы, вероятно, ее уже много раз читали. Это — не привилегия, это — право, установленное Уставом.

135. И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (говорит по-английски): Приступаем к голосованию по проекту резолюции, содержащемуся в документе S/3151/Rev.2.

Производится голосование поднятием рук.

Голосовали за: Дания, Колумбия, Новая Зеландия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Турция, Франция.

Голосовали против: Ливан, Союз Советских Социалистических Республик.

Воздержались: Бразилия, Китай.

Результаты голосования: 7 голосов за, 2 против и 2 воздержавшихся.

Проект резолюции не принимается, так как один из голосов против был подан постоянным членом Совета.

136. И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (*говорит по-английски*): Предоставляю слово представителю Соединенного Королевства по мотивам голосования.

137. Сэр Гладвин ДЖЕББ (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Еще раз мы были свидетелями осуществления Советским Союзом своего права вето в Совете Безопасности. Больше того, впервые это вето было применено в связи с положением на Среднем Востоке. Это — грустный и злоеущий факт, грустный потому, что в нем едва ли можно видеть доброе предзнаменование для будущего международного сотрудничества, а злоеущий может быть по тем последствиям, которые он будет иметь для дела мира в арабских странах.

138. Что же произошло в этом важном органе, на который возложена обязанность сохранения мира и проведения всех мер для предупреждения пагубных последствий международных трений? Конструктивное предложение, внесенное после недель и даже месяцев переговоров и фактически воплощающее некоторые из идей самого г-на Вышинского, не прошло вследствие оппозиции с его стороны. Все, что у нас осталось, это — проект резолюции, внесенный одним из участников спора. Главная, да я думаю, что не погрешу против действительности, если скажу исключительная цель этого проекта — установить принцип необходимости согласия со стороны Сирии.

139. Понятно, почему г-н Вышинский стоит за право вето как таковое. По-моему ему достаточно услышать слово «вето», чтобы автоматически поднять руку. Но очень горько, что после всех наших речей он не понял сравнительно простой вещи, что перед нами — не спор, который можно легко разрешить путем обычного согласия обеих сторон, поскольку стороны имеются, а довольно сложная проблема, возникающая в связи с выполнением постановлений Соглашения о перемирии между Израилем и Сирией в демилитаризованной зоне — проблема, которая, если она вообще может быть разрешена, может быть разрешена только тем лицом, на котором лежит основная обязанность толкования Соглашения о перемирии, а именно — председателем Смешанной комиссии по перемирию генералом Беннике.

140. Г-н Вышинский много говорил относительно соглашения между Израилем и Сирией. Дело в том, что, решив воспользоваться правом вето, он всеми силами пытается объяснить свои мотивы. Но его доводы, я думаю, никого не убедят. Эти доводы, говоря языком Шекспира, являются силками для ловли вальдшнепов. Они не выдерживают никакой критики. Все, что г-н Вышинский хочет, как мне кажется, это — взмутить воду, а не предотвратить ее утечку. Для этой цели любой довод будет вероятно хорош. Для тех, кто не введен в заблуждение, подлинный смысл вето, примененного г-ном Вышинским, понятен. На языке, который, я знаю, понятен г-ну Вышинскому, поступая так, он, в сущности, заявляет: *hoc volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas*.

141. А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я должен также объяснить мотивы моего голосования, хотя нужно сказать, что г-н Джебб сделал некоторое усилие для того, чтобы самому попытаться объяснить мотивы моего голосования. В действительности он ведь говорил не о мотивах *своего* голосования, а о мотивах *моего* голосования.

142. Но я уже раньше говорил о мотивах самого этого проекта резолюции. Я говорил о том, что этот проект резолюции направлен — и это главный мотив — на то, чтобы не решить того вопроса, который мы должны решить, т.е. правильно ли поступает или неправильно та сторона, действия которой в демилитаризованной зоне не согласованы с другой стороной, и как надлежит этой стороне дальше действовать, — согласованно с другой стороной или она может действовать по-старому — несогласованно.

143. Вот главный вопрос, который мы должны были решить. Но стремление, которое побудило авторов внести свой проект резолюции S/3151 даже в пересмотренном виде, было направлено не на то, чтобы допустить решение этого вопроса. Вся резолюция именно в этом и заключается.

144. Вот почему и получились такие результаты, причем я в этом несколько не виноват. Я не думаю оправдываться, я пользовался своим правом. Я еще раз говорю, что я был солидарен с теми тремя моими коллегами по Совету Безопасности, которые считают, видимо, эту резолюцию неподходящей.

145. Против этой резолюции голосовал представитель Ливана. Он является представителем арабской страны. Я думаю, что он не будет отрицать того, что он является представителем арабской страны. Он голосовал против этой резолюции. Значит, следуя логике г-на Джебба, выходит, что г-н Малик голосовал против интересов своего собственного народа, против интересов арабских стран, и это явилось тоже печальным предзнаменованием, как заявил г-н Джебб, потому что это может нарушить мир на Среднем и Ближнем Востоке.

146. Если кто-нибудь голосует против г-на Джебба, то это может нарушить мир. Как, например, голосование советского представителя против этой резолюции, так и голосование ливанского представителя, оказывается, угрожают миру на Среднем Востоке, представителем одной из стран которого является г-н Малик.

147. Я не сомневаюсь, что и представители других арабских стран, здесь присутствующие, если бы мы сейчас поставили перед ними на голосование этот вопрос, тоже голосовали бы, вероятно, против этого. По крайней мере, их выступления говорят о том, что если бы они имели право здесь голосовать, то они голосовали бы тоже «против» резолюции «трех».

148. Г-н Джебб, позвольте мне вам заметить, что вы несерьезно относитесь к делу. Я не могу расценивать это иначе, как несерьезное отношение к делу, когда из моей позиции при голосовании делается вывод, что, во-первых, это печальное предзнаменование, ибо это может отрицательно повлиять на дело мира, а, во-вторых, какое это ужасное преступление — впервые Советский Союз голосует вместе с арабскими странами по вопросу, который затрагивает их интересы, считая, что эти интересы должны быть защищены вполне справедливо какой-то резолюцией, но не той, которую предлагают представитель Соединенного Королевства, представитель Соединенных Штатов и представитель Франции, — три постоянных члена Совета Безопасности.

149. Далее, не только два голоса были поданы против этой резолюции, но еще два члена Совета воздержались, т.е. они, очевидно, тоже считают, что эта резолюция не может вызвать с их стороны не только

энтузиазма, но и поддержки. Когда кто-нибудь под-держивает, то он голосует «за», а если воздерживает-ся, то это, по крайней мере, означает, что предложен-ный проект его не удовлетворяет.

150. Следовательно, и остальные два воздержавшие-ся уже совершили какое-то преступление против ми-ра, ангелом-хранителем которого здесь сегодня со-вершенно неожиданно для всех оказался г-н Джебб. Я не знал до сих пор, что г-н Джебб, представитель внешней политики своей страны, является действи-тельно общепризнанным, патентованным ангелом-хра-нителем.

151. Г-н Джебб в объяснении *своих* мотивов голо-сования, используя *мои* мотивы голосования, за что я ему вовсе не благодарен, говорит о том, что я пы-тался кого-то в чем-то убедить, но никого не убедил. Я не пытался убедить г-на Джебба и вообще авторов этого проекта резолюции. Но я действительно пы-тался убедить других. Я пытался и буду впредь пы-таться убеждать не голосованием, а теми аргумента-ми, которые я имел возможность в течение трех ме-сяцев неоднократно излагать в Совете Безопасности, и, — представьте себе, г-н Джебб, — не меняя своей позиции, как некоторые представители других деле-гаций, которые сегодня говорят одно, а завтра говорят другое. Я, действительно, ни разу не менял своей позиции. Может быть, это вас особенно раздражает.

152. Я должен констатировать, подводя итоги го-лосования, вовсе не то, что констатирует г-н Джебб, а нечто другое. Я должен констатировать, что сегодня-шнее голосование в Совете Безопасности показало, что без того, чтобы в основу возможного решения вопроса, связанного со спором между Израилем и Сирией, был положен принцип взаимного согласия заинтере-сованных в этом споре сторон, решение этого вопроса большинством Совета Безопасности действительно не-возможно.

153. Я должен констатировать еще и другое. Со-годняшнее голосование показало, что, видимо, уже прошла пора, когда представители некоторых держав могли в Совете Безопасности, как и в других органах Организации Объединенных Наций, не беспокоиться за судьбу своих проектов резолюций или предложений, даже когда такие резолюции и предложения проти-воречат интересам народов, которые они собираются якобы облагодетельствовать.

154. Теперь уже нет того собранного кулака, ко-торым можно будет пригрозить для того, чтобы до-биться голосования так, как хочет, скажем, делегат Соединенных Штатов Америки или делегат Соединен-ного Королевства. Теперь, оказывается, имеется большая свобода выражения своей воли, чем это бы-вало тогда, когда Советский Союз один выступал про-тив тех извращений, искажений и нарушений между-народного права и нашего Устава, которые мы, к сожалению, видим в Организации Объединенных На-ций не так уже редко. Теперь я с большим удовлетво-рением констатирую то, что, хотя место восточно-европейских славянских стран в Совете Безопасно-сти, законно нам принадлежащее, не занято теперь представителями этих стран, как это по джентlemen-скому соглашению 1946 года в Лондоне следовало бы, — мы имеем здесь, в Совете Безопасности, даже в лице некоторых других делегатов, представителей, ко-торые находят возможным, если не поддерживать целиком во всем позицию Советского Союза, то уже теперь они не находят возможным поддерживать це-ликом и во всем позицию тех представителей держав,

которые привыкли, чтобы их воля выполнялась бес-прекословно, имея к этому некоторые основания, ко-торых я сейчас не считаю необходимым касаться.

155. Мотивы нашего голосования, мне кажется, до-статочно ясны были из всего того, что я говорил. Вы не позволили нам сегодня, нарушив элементарное право каждого члена Совета, по каждой резолюции голосовать по пунктам, как это вы сами признавали установившейся здесь нашей практикой, вы не по-зволили мне проголосовать за целый ряд этих пунктов в этой резолюции потому, что вы хотели дать себе случай еще раз констатировать: «Вот и теперь Со-ветский Союз пользуется своей привилегией, накла-дывая вето».

156. Имейте в виду, г-н Джебб, что и впредь мы не отказываемся и не откажемся от того, чтобы пользо-ваться своими правами, которые нам Устав предо-ставляет, и мы впредь будем защищать эти права и те интересы, которые требуют нашего вмешательства и нашей защиты принципов, которые некоторые де-легации здесь пытаются нарушать.

157. Вот почему я голосовал против этой резолюции, как я бы голосовал против отдельных ее пунктов, го-лосуя одновременно за другие пункты. Но мне не бы-ла дана такая возможность.

158. Г-н Шарль МАЛИК (Ливан) (*говорит по-английски*): Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу только что проведенного голосования. Ко-нечно, каждый лучше знает сам, что он делает и по-чему он это делает. Каждый лучше знает интересы своей страны и каким образом лучше служить этим интересам.

159. Обсуждался вопрос мира на Среднем Востоке. В этой связи я должен заметить, что, поскольку на исход решения этого вопроса повлиял голос предста-вителя Советского Союза, ответственность за сложив-шуюся обстановку может быть беспристрастно возло-жена только на тех, кто допустил создание такой об-становки. Эти члены опытные, и они знают, что делают. Но сколько было предупреждений и предостережений относительно возможного, если почти не неизбежного развития событий. Тем не менее, событиям было дано развиваться в этом направлении, и это делалось намеренно, сознательно, почти, я бы сказал, со зло-радством, если не с наслаждением. Повторяю, каждый знает лучше, что делает.

160. Полагаю, что поскольку то, что произошло здесь сегодня, затрагивает мир, согласие, лад и вза-имное понимание на Среднем Востоке (а об этом уже говорили предшествующие ораторы), я должен ска-зать, что все это не было неизбежным. Этого можно было не допустить. Поэтому, если следует искать ви-новных, то виновными можно признать только тех, кто сознательно и намеренно допустил данный ре-зультат.

161. Далее, даже если бы Советский Союз не голо-совал против (а он вероятно по крайней мере воздер-жался бы от голосования), данный проект резолюции мог бы быть принят только семью голосами — только минимумом голосов, согласно нашим правилам про-цедуры. Были бы в таком случае удовлетворены та-кой победой соавторы проекта резолюции, если бы эта победа имела место?

162. Кто не знает, как трудно было в течение этих недель и месяцев мобилизовать хотя бы эти семь го-лосов? Когда ситуация так сложна, трудна и так чревата последствиями, как ситуация на Среднем Во-

стоке, и когда обо всех этих обстоятельствах было известно в течение всех этих недель и месяцев, как можно теперь говорить, что дело мира на Среднем Востоке может быть пострадало, если было совершенно очевидно, что по самым верным из возможных расчетов данный проект резолюции мог быть принят только семью голосами.

163. Вновь повторяю, они мудры, они знают, что делают. Если когда-нибудь я смогу понять эту мудрость, я, конечно, с уважением склоню свою голову.

164. Однако, даже если заручиться этими семью голосами было не трудно, то правильно ли, поскольку речь идет о ситуации, с которой связаны такие сложные вопросы, опираться на такое незначительное большинство?

165. Результаты голосования показывают, что представители Советского Союза, Ливана, Бразилии и Китая не были удовлетворены данным проектом резолюции. Но об этом было известно заранее всем, кто этим интересовался. Кроме представителя Бразилии, с которым мы имеем наилучшие отношения, другие три члена представляют государства континента Азии. Почему западный мир при рассмотрении проблемы Среднего Востока ведет себя таким образом, что создается впечатление, будто он выступает против всех стран Азии? Разве это лучшая дипломатия при данных обстоятельствах? Западный мир связан со Средним Востоком полтора десятилетия, и вот теперь они, в связи то с одной, то с другой ситуацией, позволяют себе занимать такую неблагоприятную позицию. Они думают, что иначе поступать не могут, а я думаю, что они могут.

166. В их ли это интересах? Лучшее ли это из того, что можно сделать, когда всем известно, как сложна обстановка на Среднем Востоке? Повторяю, они лучше знают, что делают. Может быть здесь проявляется настолько глубокая мудрость, что я не могу ее осмыслить, но при моем ограниченном знании этих вопросов я просто должен со всей скромностью признать, что я не могу понять, как можно было допустить в данном случае создавшееся теперь положение.

167. Г-н ЦЗЯН (Китай) (*говорит по-английски*): Я отниму у Совета всего одну минуту, чтобы сказать последнее слово относительно только что проведенного голосования. Позиция моей делегации была разъяснена Совету более месяца тому назад. Я считал, что Совет должен был сделать все, чтобы найти решение, приемлемое для заинтересованных сторон. Я считал, что если бы это было сделано, но не дало бы результатов, то Совет мог бы попытаться найти какое-либо другое решение проблемы. Но я считаю, что наши усилия на данном этапе должны сосредоточиваться на достижении решения, приемлемого для сторон.

168. Проект резолюции, который мы только что голосовали, не был направлен против решения, приемлемого для сторон. Я думаю, что три автора этого проекта были бы очень рады, если бы такое решение было возможно, но этот проект резолюции был недостаточно категоричен. Я полагал, что идя по этому пути, мы могли ликвидировать всякую возможность найти приемлемое для сторон решение, если такая возможность у нас была. Вот почему я и воздержался от голосования по этому проекту резолюции.

169. Несколько месяцев тому назад говорили о тех последствиях, которые данное решение Совета может иметь для перспектив мира на Среднем Востоке.

Позвольте мне сказать, что никому из членов Совета не следует пытаться предсказывать, улучшит ли принятие или отклонение проекта резолюции перспективы мира на Среднем Востоке. Как определить, какое значение будет иметь принятое сегодня Советом решение для перспектив мира на Среднем Востоке? Я думаю, что нам лучше не пытаться предсказывать или предполагать слишком много.

170. По моему собственному мнению мир на Среднем Востоке должен быть основан на добрых отношениях и дружественных чувствах между Израилем, с одной стороны, и арабскими государствами, с другой. В этом нет никаких сомнений. Принятие этой резолюции никоим образом не могло улучшить дружественные отношения между Израилем и арабскими государствами. Я сомневаюсь, что принятие этого конкретного проекта резолюции улучшило бы перспективы мира на Среднем Востоке. Боюсь, что результат был бы как раз обратный.

171. Я полагаю, что самая мудрая политика, которую необходимо проводить на Среднем Востоке, заключается в следующем. Мы надеемся добиться прогресса на различных фронтах. На всех этих фронтах перед нами стоит еще много неразрешенных проблем. Прогресс в любой сфере, для достижения которого приносится в жертву общее улучшение отношений между арабскими государствами и Израилем, покупается слишком дорогой ценой и может, в конечном счете, оказаться безрезультатным. В нашей работе я поставил бы во главу угла задачу улучшения отношений между арабскими государствами, с одной стороны, и Израилем, с другой. Я считаю, что это важнее всех других соображений. Я не пожертвовал бы этим ради прогресса в какой-либо конкретной сфере.

172. Г-н БОРБЕРГ (Дания) (*говорит по-английски*): В практической действительности бывают такие ситуации, когда правительствам чрезвычайно трудно вести переговоры. В таких случаях Совет имеет полное право и даже обязан принимать такие меры для облегчения примирения, какие считает полезными. Поэтому я сочувствовал той идее, которая была положена в основу пункта 8 проекта резолюции. Это — конструктивная идея. Мне казался также очень удачным и пункт 10. Я думаю, что большинство членов Совета часто ощущают, как ощущаю я, некоторый недостаток знания специальных аспектов этой проблемы. Поэтому идея о привлечении экспертов также была конструктивной идеей. Я сожалею, что проект резолюции, в котором имелись эти элементы, так хорошо отвечающие духу и букве Устава, был отклонен, и надеюсь, что Совет найдет другие средства помочь разрешению этой проблемы.

173. И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (*говорит по-английски*): Генеральный Секретарь желает сделать Совету заявление. Предоставляю слово Генеральному Секретарю.

174. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ (*говорит по-английски*): Г-н Председатель, позвольте мне поблагодарить вас за предоставление мне слова в этот поздний час.

175. Мне не нужно напоминать Совету историю этого вопроса. Этот вопрос сначала рассматривался в Израильско-сирийской смешанной комиссии по перемирию в сентябре 1953 года. Он был предметом решения генерала Беннике председателя этой Комиссии 23 сентября [S/3122, приложение I]. Затем,

16 октября 1953 г., этот вопрос был внесен представителем Сирии в Совет Безопасности [S/3108/-Rev.1] и обсуждался здесь, начиная с 27 октября [629-е заседание].

176. Время не ждет, и дальнейшие затяжки могут привести к новым осложнениям. Будучи глубоко обеспокоен этими событиями, я нахожу, что в данный момент я должен указать, что с той точки зрения, выразителем которой должен быть Генеральный Секретарь, весь этот вопрос в сущности требует принятия только двух мер (но принятия срочного): подтверждения позиции, занятой первоначально генералом Беннике по консультации с Секретариатом, и предоставления ему возможности попытаться выработать соглашение, с помощью которого можно было бы предупредить превращение данного вопроса в источник длительных трений между Израилем и Сирией.

177. Если этот вопрос будет возвращен в Смешанную комиссию по перемирию для рассмотрения в свете тех дебатов, которые происходили в Совете, то генерал Беннике, с помощью технических экспертов, которые будут предоставлены в его распоряжение, сможет немедленно начать попытки найти решение посредством консультаций на месте с представителями самих сторон.

178. При теперешней внушающей беспокойство обстановке я должен вновь подчеркнуть значение элемента времени, принимая главным образом во внимание который, я и решил выступить после того, как этот вопрос обсуждался в Совете Безопасности в течение нескольких месяцев. По изложенным сообра-

жениям я должен просить Совет самым серьезным образом рассмотреть вопрос о возможности скорого и положительного решения, которое давало бы начальнику штаба генералу Беннике необходимые подержку и полномочия.

179. Г-н ЛЮСЕ (Франция) (*говорит по-французски*): Совершенно очевидно, что безрезультатное голосование, которое только что имело место, создало новую ситуацию. Кроме того, теперь уже очень поздно. Нам всем, конечно, необходимо связаться со своими правительствами для получения новых инструкций и обдумать весь этот вопрос в свободное время, приняв во внимание только что сделанное Генеральным Секретарем важное заявление.

180. Я думаю, что при таком положении вещей имею основания официально внести предложение о закрытии заседания на основании пункта 2 правила 33 правил процедуры, а Председатель по своему усмотрению назначит другое заседание Совета, когда найдет нужным.

181. И. О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (*говорит по-английски*): Согласно моему толкованию этого правила данное предложение должно быть поставлено на голосование без прений. Я предполагаю, однако, что теперь уже так поздно, что никаких, в сущности, возражений против этого предложения нет. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 20 ч. 05 м.